Не будучи христианином и считая себя атеистом, Твардовский отразил многие христианские ценности и представления крестьянской Руси.

Литература

1. *Гаспаров, М.Л.* Семантический ореол пушкинского четырехстопного хоре/я / М.Л. Гаспаров // Метр и смысл. Об одном механизме культурной памяти. – М., 1999. – URL: ruthenia.ru›document/526619.html

2. *Гаспаров, М.Л.* Семантический ореол трехстопного амфибрахия / М.Л. Гаспаров // Проблемы структурной лингвистики. – М., 1980. – С. 174 – 191.

3. *Гин, М.М.* О своеобразии русского реализма Некрасова / М.М. Гин. – Петрозаводск, 1966.

4. *Гумилев, Н.С.* Переводы стихотворные / Н.С. Гумилев. – ПГ., 1919. – URL: dugward.ru›library/gumilev/gumilev_perevody

5. *Ляпина, Л.Е.* Литературная циклизация (к истории изучения) / Л.Е. Ляпина // Русская литература. – 1998. – № 1. – С. 170.

6. *Ляпина, Л.Е.* Русские литературные циклы / Л.Е. Ляпина. – СПб., 1993.

7. *Смирнова, Л.Г.* Творчество А.Т. Твардовского и христианство / Л.Г. Смирнова // Идеи христианской культуры в истории славянской письменности: Материалы научной конференции 4.05.2000 г. – Смоленск, 2001.

8. *Снигирева, Т.А.* «Простой стиль» А.Т. Твардовского и проблемы его восприятия / Т.А. Снигирева // XX век. Литература. Стиль. – Екатеринбург, 1994. – Вып. 1. – С. 192 – 199.

9. *Твардовский, А.Т.* Памяти матери / А.Т. Твардовский // А.Т. Твардовский. Из лирики этих лет. – М., 1967.

УДК 81

Г.В. Судаков

РУССКАЯ РЕЧЬ КОНЦА XVIII ВЕКА В ОЦЕНКЕ СОВРЕМЕННИЦЫ

В статье рассматриваются особенности русского языка конца XVIII в., отраженные в мемуарах Е.П. Яньковой: речевой этикет и светский жаргон, новые лексико-фразеологические явления, этнографизмы и просторечие, специфические грамматические формы и варианты слов. Фрагменты, иллюстрирующие оценки «бабушкой» прошлых и новых языковых явлений, позволяют фиксировать время новаций, их семантические и стилистические оттенки, сферу употребления.

Русский язык конца XVIII – начала XIX вв., речевой этикет, светский жаргон, лексико-фразеологические новации, просторечие, языковая рефлексия.

The article deals with the peculiarities of the Russian language at the end of the 18th century reflected in the memoirs of E. P. Yankova: speech etiquette and high-society jargon, lexical and phraseological innovations, ethnographisms and colloquialisms, specific grammar forms and variants of words. Fragments illustrating «grandmother's» estimation of past and new linguistic phenomena allow recording the time of innovations, their semantic and stylistic nuances, and the scope of their usage.

The Russian language at the end of the 18th century, speech etiquette, jargon of high society, lexical and phraseological innovations, colloquialisms, language reflection.

Исследование выполнено на основе текста под названием «Рассказы бабушки: Из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком Д. Благово» [2]. Бабушка – Елизавета Петровна Янькова, – внучка историка В.Н. Татищева, родилась 29 марта 1768 г. Она прожила всю жизнь в Москве, где и скончалась в 1861 г. в возрасте 93 лет, «... рассказывала с удивительною подробностью, ... она была живою летописью всего XVIII столетия и половины X1X» [2, с. 5]. Ее рассказы внук Димитрий Димитриевич Благово записывал с 1847 г. [2, с. 7].

Таким образом, мы имеем дело с воспоминаниями в воспоминаниях:

1. Здесь воспроизводятся разновременные воспоминания двух субъектов: бабушки – о времени своей бабушки, своей матери и о своем времени (преимущественно последняя четверть XVIII в. и первая четверть XIX в.); внука – о рассказах бабушки, услышанных после 1846 г.; таким образом, каждый фрагмент воспоминаний будет иметь две даты: время, о котором рассказывается, и время, когда это записано;

2. Оба субъекта мемуаров: бабушка и внук – нестандартные личности, имеют много знакомых и хорошо информированы; они хорошо воспитанны и образованны, понимают ценность сведений о прошлом, в том числе о повседневности.

В тексте есть формальные сигналы, позволяющие фиксировать внимание читателя на новом, необычном или становящемся употребительным: графическое выделение (курсив, скобки), вставочные или поясняющие выражения типа «смертоносное поветрие, которое называют *холерой*» [2, с. 5].

При анализе учитываем замечания, характеризующие речевые вкусы в русском дворянском обществе конца XVIII в.: «(О Карамзине – Г.С.) Многие его критиковали за то, что он пишет разговорным языком, а другие его за это-то именно и хвалили» [2, с. 255].

Переходим к оценке лексико-фразеологических средств, связанных со сферой дворянского быта.

«В простые дни, когда *за-свой* обедают, и то бывало у бабушки всегда: два горячих – щи да суп или

уха, два холодных, четыре соуса, два жарких, два пирожных» [2, с. 10]. *Обед за-свой* и *обедать за-свой* – это домашний обед с домочадцами, без гостей, ограниченной продолжительности. В словарях [1], [3] – [5] фразеологизм отсутствует.

Вот пример из исследуемого памятника, где различаются *вечера запросто* и *бал* «блестящий праздничный вечер»*:* «Каждую неделю, по воскресеньям, бывали вечера запросто, и съезжалось иногда более ста человек, и два, три большие бала в зиму» [2, с. 140]. В тексте подробно разъясняется, чем занимались и как одевались на куртагах (от нем. Kurtag, см. [5, с. 11, 88]: «вечерний увеселительный прием у монарха») «... матушка езжала на куртаги... : барыни собирались с работами, а барышни танцевали; мужчины и старухи играли в карты и по желанию императрицы для того, чтобы не было роскоши в туалетах, для дам были придуманы мундирные платья по губерниям, и какой губернии был муж, такого цвета и платье у жены... зимы с две поносили мундирные эти платья и перестали... батюшка был владельцем в Калужской губернии, где был и предводителем, и в Тульской губернии, то у матушки и было два мундира – один стального цвета, а другой, помнится, лазоревый с красным» [2, с. 164]. Обратим внимание на зафиксированную здесь синонимию *мундир – мундирное платье* в значении «женское платье из ткани строго оговоренного цвета, соответствующего цвету губернского флага».

Добавим сведения о вариантах наименования популярного в XVIII в. танца *менуэт* и об этической оценке нового танца *вальс*: «Главным танцем бывал менуэт» [2, с. 25]; «... приходилось кланяться во время миновета» [2, с. 66]; «менуэт был танец премудреный: поминутно то и дело, что или присядь, или поклонись» [2, с. 165]. *Вальс* «в первое время, как он стал входить в моду, его считали неблагопристойным танцем: как это – обхватить даму за талию и кружить ее по зале» [2, с. 165]. В [5] отсутствуют сведения культурно-исторического характера по поводу слова *вальс*, в частности, – этическая оценка нового танца.

Оценим выражения, относящиеся к великосветскому жаргону, где причудливо сочетаются структуры разного происхождения, в том числе калькированные с французского. *Сделать невежество* «проявить невежливость по отношению к кому-либо»*:* (о матери героини – Г.С.) «...она все-таки румянилась по тогдашнему обычаю, потому что, не нарумянившись, куда-нибудь приехать значило бы сделать невежество» [2, с. 24]. Словари не учитывают этот фразеологизм, не свойственный русской семантической модели словосочетания, по-русски можно *сделать что-то материальное*.

«... от князя так и разило его чуфарством» [2, с. 53]. *Чуфарство* «чванство, важничанье» – от *чуфариться, чуфыриться* «чваниться, важничать собою, надуваться» [1, т. 4, с. 616]. Современные *чувырла, чуфырла, чувырло, чуфырло* имеют откровенно отрицательную коннотацию «бранное, жаргонное», так говорят о человеке с неприятной, отталкивающей внешностью [7, с. 717 – 718]. Что касается происхождения этих слов, то представляется наиболее корректной идея о звукоподражательном угрофинском слове tsuktsi [6, с. 4, 388], на основе его чуфырь «глухарь», чуфыкать «о звуках, издаваемых глухарем, перед токованьем» (арх., вологод. – из личных наблюдений автора). Поведение чванливого человека похоже на поведение глухаря перед токованием.

Любезник «охотник любезничать, волокита» [1, т. 2, с. 282], см. пример: «старик был очень нескромен в обхождении, да и в разговоре тоже слишком свободен; словом сказать, был старый любезник» [2, с. 57]. В [5] слово *любезник* не попало. Судя по приведенному примеру, слово входило в светский жаргон – «щегольское наречие», которое активно формируется во второй половине XVIII в. и сатирически отражено в комедиях и журналах той поры.

Речевой этикет строился на этических принципах эпохи, например, обращение на «вы», выбор более книжной лексики положительной коннотации. Вот характерный пример: «... мы не смели сказать, за что вы на меня сердитесь, а говорили: *за что вы изволите гневаться*, или: чем я вас прогневала; не говорили: это вы мне подарили; нет, это было нескладно, а следовало сказать: *это вы мне пожаловали, это ваше жалованье*» [2, с. 24] (курсив наш – Г.С.). Словари XVIII в. не фиксируют стилистических различий в синонимах *сердиться – гневаться*, *прогневать* или *подарить – пожаловать*. Такие нюансы в речевом обращении не фиксирует и В.И. Даль – знаток живого великорусского языка.

Правильным было выражение: *Поутру бабушка кушала свой кофе* [2, с. 7], т.е. *кофе кушали*, а не пили. Даль отмечает, что кушать это тоже «есть и пить», но выражение более вежливое; кушали хлебсоль, кушали рюмочку, кушали чашечку [1, т. 2, с. 229].

Известно, что в дворянской среде в речевом общении действовал «двойной стандарт»: с равными себе – *по-придворному*; с «людьми» – *по-площадному*. Вот выражения из разговора помещицы Матрены Бершовой с дворовыми девчонками: «мерзавки, холопки, пакостницы, подлые... тварь, просто сволочь...». И вот мнение героини рассказов о такой манере выражения: «... добрая была женщина, да уж очень дубовата; бывало, такие слова употребляет при моих детях, что иногда со стыда сгоришь... А кому-то на меня жаловалась...: «Какая Елизавета Петровна спесивая барыня, все политику наблюдает, оговаривает меня, что я говорю спроста, не по-придворному». Уж куда по-придворному, иногда совсем по-площадному» [2, с. 79]. *Площадный* тогда подразумевалось «неблагопристойный, подлый» [4, т. 3, с. 231]. Заметим, что слово *дубоватый (дубовата)* отсутствует в Словаре Академии Российской и Словаре русского языка XVIII в., у Даля «глупый и тупой» [1, т. 1, с. 498], но здесь имеется в виду значение «не соблюдающий норм приличия, в частности, при разговоре». Что касается выражения *наблюдать политику* в значении «соблюдать правила», то словарями этот фразеологизм не учтен, хотя было известно *политика* в значении «искусство обходиться с людьми» [4, т. 2, с. 314].

К речевому этикету относится употребление сло-

ва *позвольте* в определенных ситуациях, например: «... мужчины курили … ежели при дамах, то всегда не иначе, как спросят сперва: «Позвольте» [2, с. 96]. Данное этикетное слово и ситуации его употребления в литературе не описаны.

Интересна лексика и фразеология, отражающая эмоциональные и душевные переживания героев. Вот пример, где сравниваются фразеологизм *приходиться по мысли* и новое слово *влюблена:* «А мне, признаюсь, Дмитрий Александрович приходился по мысли: не то чтоб я была в него влюблена (как это срамницы-барышни теперь говорят)..., но дай батюшка согласие, и я бы не отказала» [2, с. 49]. Ср. у Даля: «*Приходиться... подходить или быть впору, в меру и кстати... Жена по мужу пришлась* [1, т. 3, с. 457]. Пожалуй, в тексте значение фразеологизма несколько другое: *приходиться по мысли»* – «считать соответствующим в каком-либо отношении». Что касается слова *влюбиться*, то, если иметь в виду значение «почувствовать любовное влечение, страсть» и факт преимущественного употребления этого слова в комедиях и интермедиях той поры, причем совершенно определенными типажами [5, т. 3, с. 217], то становится очевидным следующее правило хорошего тона: приличные девушки переживали любовь, но вслух о любви не говорили.

Детально описываются в анализируемом источнике конные экипажи. Так *иметь букет* полагалось в выездном церемониале знатного человека*:* «Так называли трех людей, которые становились сзади: лакей выездной в ливрее, по цветам герба, напудренный, с пучком и в треугольной шляпе; гайдук высокого роста, в красной одежде, и арап в куртке и шароварах ливрейных цветов, опоясанный турецкою шалью и с белою чалмой на голове... Так выезжали только в торжественных случаях» [2, с. 42]. *Букет* в метафорическом значении «трое слуг, стоящих на запятках экипажа, в выездном церемониале знатного человека» отсутствует в «Словаре русского языка XVIII в.» и у Даля. Обратим внимание на цветные одежды слуг, входивших в состав выездного церемониала, и станет понятно, почему появилось название *букет*.

К характеристике внутреннего интерьера относится выражение *расписать боскетом*, т.е. расписать растительным узором, зеленью, ср.: «В зале нарисована на стенах охота, в гостиной ландшафты, в кабинете у матушки то же, в спальне, кажется, стены были расписаны боскетом» [2, с. 22]. Употребление слова с таким значением в «Словаре русского языка XVIII в.» не зафиксировано, нет и фразеологизма *расписать боскетом*.

Отметим новые названия тканей и комментарий к этим названиям: «(фиолетово-дофиновое – так называли самое темно-лиловое, потому что французские дофины не носили в трауре черного, а фиолетовый цвет...). К слову о цветах скажу, кстати, о материях, о которых теперь нет понятия: … гран-рамаж (большие разводы); последнюю торговцы переиначали посвоему и называли «большая ромашка»... Были некоторые цвета в моде, о которых потом я уже и не слыхала: hanneton (темно-коричневый наподобие жука – ред.), grenouille evannouie (цвета обмершей лягушки – ред.), gorge-de-pigeon tourterelle (голубиной шейки – ред.). Цвета эти, конечно, в употреблении и теперь, но только под другими названиями и не в таком ходу, как при самом начале, когда показались» [2, с. 108 – 109]. *Гран-рамаж (большие разводы); «большая ромашка»* не зафиксировано в «Словаре русского языка XVIII в.», нет их и в словарях XIX в. *Фиолетово-дофиновое* «самое темно-лиловое», гладкие ткани *гро-муар*, *гро-де-тур*, *гро-гро*, *гро-д'ориан*, *левантин*, *марселин*, *сатень-тюрк*, *бомб;* следующий перечень – ткани с вытканным рисунком (затканные): *пети-броше*, *пети-семе*, *гран-рамаж*. Модные цвета hanneton (темно-коричневый наподобие жука), grenouille evannouie (цвета обмершей лягушки), gorge-de-pigeon tourterelle (голубиной шейки) уже отмечались в историко-этнографической литературе, но лингвистически не оценены.

А вот из воспоминаний, относящихся к 1806 – 1809 гг.: «... употребляли одеколон, оделаванд и оделарен дегонри, по-русски – унгарская водка, о которой теперь никто и не знает» [2, с. 108]; «в особенности противны были шляпки, что называли кибитками (chapeau Kibick)» [2, с. 288]. В словарях не обнаружено *оделарен дегонри* и *унгарская водка*. *Кибитка* в значении «шляпка» – модное слово, просуществовавшее короткое время, в «Словаре русского языка XVIII в.» не зафиксировано.

Широко использовано в рассказах просторечие той эпохи, например, слова *припендерить*, *доточница* и фразеологизм *дети «с левой стороны»*.

«... сама ко мне приехала?..., скучно, верно, без меня, сама *припендерила...»* [2, с. 218]. *Припендерить* – «быстро прибыть, приехать». Вероятно, родственные *пентюриться* «тесниться, лезть, втираться силою», пендюриться, *пендёра*, *пендеря*, *пендюра*, *пендерь* [1, т. 3, с. 457].

Доточница «умелая, сообразительная» – от *доточить* «сделать исправно, дотошно, до конца»: «Старшие три дочери были превеликие рукодельницы и доточницы в разных работах... Она была большая доточница и искусница на разные рукоделия» [2, с. 224, 314]. В «Словаре Академии Российской», «Словаре русского языка XVIII в.» и у Даля слово отсутствует. Слово д*отошный* и выражение *дойти до точки* являются родственными рассматриваемому слову.

Дети «с левой стороны» «внебрачные дети»: «... он с нею жил недолгое время вместе, имея посторонние привязанности и несколько человек детей «с левой стороны» [2, с. 289]. «Словарь Академии Российской», «Словарь русского языка XVIII в.» и Даль не фиксируют этот фразеологизм, по смыслу он связан с выражением *ходить налево*, тоже не зафиксированным словарями. Вспомним, что с левой стороны по христианским обычаям располагается дьявол, нечистый. *Ходить налево* – ходить дорогой греха. *Дети с левой стороны* – дети, прижитые в грехе.

Грамматические особенности фиксируются редко, и они, вероятно, имеют индивидуальный характер, являются особенностями речи конкретного лица: «Бабушка постоянно и говорила и писала: *рублев*, а не рублей, много *делов*, а не дел» [2, с. 45]. В тексте фиксируются другие особенности речи «бабушки»:

произношение слов иноязычного происхождения (*омеблировка*, *палатин*, *шкатуночка*) или особенности грамматического характера (*окны*, *дён*, *яблоков*).

Благодаря редкой памяти бабушка запомнила и воспроизводит живой язык своих современников: вельможи Н.Б. Юсупова, помещицы Бершовой, ключницы Акулины. Перечислим языковые особенности, отраженные в мемуарах Е.П. Яньковой: 1) речевой этикет и светский жаргон эпохи; 2) новые лексико-фразеологические явления: лексика эмоциональных и психологических переживаний, словарь моды и нового быта, парфюмерная лексика, лексика развлечений и застолья, названия должностей и чинов в придворной иерархии, названия транспортных средств и церемониала выездов; 3) этнографизмы и просторечие эпохи; 4) специфические грамматические формы и варианты слов. Особый интерес представляют многочисленные фрагменты, иллюстрирующие оценки «бабушкой» прошлых и новых языковых явлений: они позволяют фиксировать время новаций, их семантические и стилистические оттенки, сферу употребления.

Литература

1. *Даль, В.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В. Даль. – М., 1980. – Т. 1 – 4.

2. Рассказы бабушки: Из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком Д. Благово. – Л., 1989.

3. Словарь Академии Российской. – СПб., 1789 – 1794. Репринтное издание. – СПб., 2001. – Ч. 1 – 6.

4. Словарь 1847 г.: Словарь церковнославянского и русского языка / сост. вторым отделением Императорской Академии Наук. Репринтное издание. – СПб., 2001. – Кн. 1-2.

5. Словарь русского языка XVIII века. – Л., 1984. (издание продолжается). – Вып. 1.

6. *Фасмер, М.* Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер. – М., 1986 – 1987.

7. *Химик, В.В.* Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи / В.В. Химик. – СПб., 2004.